

Башкова И.В.
Данные корпуса на занятиях по синтаксису и лингвистическому анализу
художественного текста

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 207-220.

В Национальном корпусе русского языка представлен богатый материал для наблюдений над синтаксическим поведением слова. Это дает возможность опираться на данные корпуса в курсах синтаксиса русского языка и лингвистического анализа художественного текста. В этой статье на примере имени существительного я хочу показать, как можно использовать корпус в работе со студентами.

На семинарских занятиях при изучении темы «Синтаксис слова и формы слова» студентам можно дать следующее домашнее задание:

Задание 1. Опираясь на данные корпуса, покажите, как от семантики существительного зависит его синтаксическое поведение. Возьмите одно существительное и посмотрите, в каком количественном соотношении находятся падежные формы, в которых употребляется данное слово. Проанализируйте по тридцать примеров преобладающей падежной формы и сделайте вывод о том, какие синтаксемы – «минимальные, далее неделимые семантико-синтаксические единицы русского языка, выступающие одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемые, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова, 1988, с. 4] – являются предпочтительными для данного существительного.

На занятии в аудитории студенты должны сравнить полученные ими данные. Это позволяет увидеть, что разряд и тематический класс имени существительного (лицо, животное, растение, пространство, инструмент, действие, состояние и т. д.) во многом определяют выбор его синтаксем.

Приведу пример того, как можно выполнить это задание.

1. Возьмем для анализа пять существительных, в скобках отметим разряд и тематический класс лексемы: *кот* (предметное имя, животное), *лингвист* (предметное имя, лицо), *лобзик* (предметное имя, инструмент), *огород* (предметное имя, пространство и место), *февраль* (непредметное имя, время, месяц).

2. Выпишем из корпуса данные о количестве контекстов, включающих все падежные формы этих существительных (для нашего задания достаточно только формы единственного числа). Перед началом поиска нужных примеров в корпусе лучше

ограничить временные рамки создания текстов (например, 1900 – 2007 годы). При работе с корпусом с неснятой омонимией нужно привести данные о количественном составе сразу двух падежных форм. Суммируем полученные данные. Вот что получается:

1) 3496 контекстов с существительным *кот*: им. п. – 2000, род. п. + вин. п. – 1000, дат. п. – 243, тв. п. – 213, пр. п. – 40;

2) 205 контекстов с существительным *лингвист*: им. п. – 121, род. п. + вин. п. – 51, дат. п. – 9, тв. п. – 23, пр. п. – 1;

3) 42 контекста с существительным *лобзик*: им. п. – 3, род. п. – 3, дат. п. – 0, вин. п. – 6, тв. п. – 30, пр. п. – 0;

4) 2431 контекст с существительным *огород*: им. п. + вин. п. – 1000, род. п. – 350, дат. п. – 107, тв. п. – 174, пр. п. – 800;

5) 5659 контекстов с существительным *февраль*: им. п. + вин. п. – 600, род. п. – 4000, дат. п. – 44, тв. п. – 15, пр. п. – 1000.

Замечу, что проще работать с малоупотребительными существительными, такими как *лобзик*. Небольшое количество контекстов позволяет сделать точные количественные подсчеты и для омонимичных падежных форм.

3. Определим процентное соотношение падежных форм и на занятии вместе со студентами представим полученные данные в виде таблицы.

Таблица 1. Процентное соотношение падежных форм существительных

Существительные, количество контекстов в корпусе	форма им. пад.	форма род. пад.	форма дат. пад.	форма вин. пад.	форма тв. пад.	форма пр. пад.	омонимичные формы им. п. + вин. п.	омонимичные формы род. п. + вин. п.
кот – 3496	57 %		7 %		6 %	1 %		29 %
лингвист – 205	59 %		4,5 %		11 %	0,5 %		25 %
лобзик – 42	7 %	7 %	0 %	14 %	72 %	0 %		
огород – 2431		14 %	5 %		7 %	33 %	41 %	
февраль – 5659		71 %	1 %		0,3 %	17,7%	10 %	

4. Сравним полученные данные, определим, каково значение преобладающих падежных форм.

У существительных *кот* и *лингвист* преобладает форма именительного падежа. Судя по примерам из корпуса, в большинстве случаев этой формой представлена синтаксема-

субъект предикативного признака¹: *Пропустив меня вперед, кот вошел следом* [Юрий Коваль. Солнечное пятно (1980 – 1993)]; *Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму* [Константин Паустовский. Кот-ворюга (1936)]; *Очередной небольшой секрет откроет лингвист, преподаватель русского языка* [Мария Пупшева. Краткость — сестра глагола // "Вечерняя Москва", 2002.10.10]; *Так, американский лингвист Джозеф Гринберг показал, что все 1500 африканских языков могут быть объединены в четыре большие группы* [Рафаил Нудельман. Язык предков // "Знание — сила", №8, 2003].

Существительные *кот* и *лингвист* – это одушевленные существительные, поэтому вполне естественно, что в большинстве предложений они предстают в роли активно действующих субъектов – субъектов акционального признака.

У существительного *лобзик* преобладает форма творительного падежа, обозначающая инструментив, что соответствует тематическому классу данной лексемы: *Я лобзиком пропиливал им маленькое окошко в пенале, чтобы они могли дышать* [Ирина Полянская. Пенал (1992)]; *Сами континенты при этом выпиливались лобзиком из пластинок плексигласа* [Александр Городницкий. "И жить еще надежде" (2001)].

Для существительного *огород* преобладающей является форма предложного падежа – преимущественно синтаксема-локатив, соответствующая тематическому классу этого существительного: *Приехал, гляжу — кто-то в соседнем огороде копается* [Борис Екимов. Сосед (2001)]; *Кстати у нас Мотя (мой кот) потерялся на огороде* [Письмо девушки из Перми сестре в Москву (2001)]. (Формы именительного и винительного падежей омонимичны у этого слова, находятся они примерно в соотношении 1 : 2, следовательно, хотя вместе и составляют 41 % всех словоупотреблений, по отдельности не являются преобладающими.)

У существительного *февраль* наиболее употребительна форма родительного падежа, в подавляющем большинстве случаев представляющая синтаксема родительного даты, что тоже соответствует семантике рассматриваемой лексемы: *Сегодня, 11 февраля, давление вновь будет резко падать* [Погода // "Биржа плюс свой дом" (Н. Новгород), 2002.02.11]; *60 лет назад, 11 февраля 1943 года, Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление о развертывании работ по ядерному оружию* [Борис Явелов. Календарь ЗС: февраль // "Знание — сила", 2003]; *Думская практика действительно допускает "упрощенную процедуру" по отдельным поправкам, что делает вполне возможным голосование 5 февраля* [Илья Горбунов. Все врут календари // "Известия", 2003.01.11].

---

¹ Здесь и далее приведены названия синтаксем в соответствии с «Синтаксическим словарем» Г. А. Золотовой.

Таким образом, в преобладающих падежных формах всех рассматриваемых существительных их семантика получила наиболее полное отражение. Данные корпуса позволили увидеть, что разряд и тематический класс имени существительного во многом предопределяют выбор его синтаксисом.

Замечу, что для данного задания лучше выбирать существительные с предметным или временным значением, в этом случае выводы будут наиболее очевидными.

Изучая тему «Диктум» из раздела «Семантический синтаксис», студенты тоже имеют возможность поработать с корпусом. Дается такое домашнее задание:

Задание 2. Возьмите одно существительное, выберите из корпуса контексты с разными падежными формами этого слова и посмотрите, какие актанты и сирконстанты может репрезентировать данная лексема в пропозиции.

Это задание позволяет показать, что один и тот же объект (событие или явление действительности) в разных пропозициях может назначаться на разные роли. И это свидетельствует о том, что объективность диктума относительна. Говорящий по своему усмотрению задает актантную перспективу. Для выполнения этого задания лучше взять непередметное имя существительное.

В качестве примера проанализируем, воспользовавшись данными корпуса, синтаксическое поведение лексемы *дождь*.

Это событийное существительное, обозначающее атмосферные осадки в виде водяных капель, струй. Если данное атмосферное явление находится в центре внимания говорящего, то в предложении существительное *дождь* предстает в роли предсцируемого субъекта: *Пока колхозники подбирали подкошенные зерновые граблями, пошел дождь, уборка затянулась, неизбежны стали потери зерна* [С. Смирнов. Что явилось тормозом в уборке // "Северный колхозник", 1957.10.01]; *Дождь сочится сквозь него струйками* [Павел Летувет. Фронтная весна 45-го. // "Богатей" (Саратов), 2003.05.08].

Если же в предложении на первом плане оказывается какое-либо другое событие, то говорящий по своему усмотрению определяет отношения, которые связывают дождь с этим событием.

Это могут быть причинные отношения: *Из-за дождя пришлось вносить коррективы в расписание соревнований: все встречи проходили в один день и были сокращены до одного сета* [Алексей Михайлов. Большой деловой теннис // "Нефтяник" (Пермь), 2003.06.24]; *А жила эта Бабка-Ёжка в крохотной избушке на цыплячьих ножках, да только избушка эта была уже ветхая и однажды от дождя развалилась* [Татьяна Рик. Про вредную Бабку-Ёжку // "Мурзилка", №6, 2001]. Дождь в этих примерах представлен в роли каузатива.

Уступительные отношения: *Несмотря на холодную погоду и мелкий морозящий дождь, это торжественное мероприятие собрало большое количество народа* [Доказал всей своей жизнью // "Дагестанская правда" (Махачкала), 2003.01.10].

Временные отношения: *Этот стол не боится влаги, после дождя он только станет еще более голубым* [Сет в спальне // "Homes & Gardens", 2004]; *Зато там бродят белые слоны, розовеющие во время дождя* [Марина Сашина. Белый слон с розовым отливом // "Семья", 2001.11.14]; *Митинг закончился одновременно с дождем* [Светлана Офитова. Дедовщина дошла до Кремля // "Независимая газета", 2003.03.31].

Часто дождь предстает в предложении как ситуатив – компонент со значением внешней ситуации, природной или социальной, определяющей состояние субъекта [Золотова, 1988, с. 432]: *...мы почему-то побрели под дождем по глине...* [Людмила Петрушевская. Через поля (1987)]; *Впервые я эту песню услышала, когда шла в дождь по переулку* [Варя Игнатова. Оркестр водосточных труб // "Трамвай", 1990]; *И идти за ней — по дождю и глине* [Андрей Битов. Фотография Пушкина (1980 – 1990)]; *Потащились обратно, в дожде, неизвестно почему — Агрнев, Кремнев, три женщины, братва* [Борис Пильняк. Простые рассказы (1923)]; *Ночи в горах студены, сам-то весь промокнешь на дожде, а спать приходилось на сырой земле* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Около ноды (1912)].

Таким образом, многочисленные примеры, содержащиеся в корпусе, позволяют показать, какими возможностями располагает говорящий при репрезентации диктума.

В курсе лингвистического анализа художественного текста большое внимание уделяется особенностям идиостиля писателя. Индивидуальность языка может проявляться даже на уровне выбора падежной формы существительного. Но, для того чтобы выявить специфику художественного текста, нужно знать фон, на котором она проявляется. Как правило, исследователь, будучи носителем языка, обладает интуитивным знанием фона. Национальный корпус русского языка позволяет сделать исследование более доказательным, предоставляет лингвисту не только материал для сравнения, но и возможность произвести точные количественные подсчеты без особых затрат времени на поиск нужных примеров.

На семинарских занятиях по лингвистическому анализу художественного текста можно предложить студентам использовать корпус как фон для изучения идиостиля. Задание формулируется следующим образом:

Задание 3. Покажите, как писатель, выбирая те или иные грамматические формы ключевого слова, создает индивидуальную художественную модель мира, при этом на разных этапах анализа опирайтесь на данные корпуса.

В этой статье² в качестве примера приведу анализ повести В.П. Астафьева «Ода русскому огороду».

Исследование художественной модели мира следует начинать с «выявления набора ключевых слов текста» [Бабенко, Казарин, 2004, с. 59]. Как известно, существуют формальные признаки, позволяющие выявить эти слова. Прежде всего, ключевые слова занимают сильные позиции в тексте. Так, в частности, отмечают «тенденцию ключевых знаков к концентрации в начале текста и как следствие – возможность совпадения с заглавием» [Лукин, 2003, с. 197]. Замечено, что «ключевые слова в наибольшей степени отражают индивидуальность автора: частотность их употребления данным автором в наибольшей степени преобладает над средней употребительностью этого слова в изучаемую эпоху» [Баевский, 1986, с. 452].

В настоящее время лингвисту нетрудно сравнить частотность того или иного слова в текстах определенного автора со средней употребительностью этого слова. Такую возможность предоставляет Национальный корпус русского языка, поскольку в нем приводятся не только контексты употребления слова, но и данные о количестве контекстов в том или ином документе. Подчеркну, что корпус позволяет увидеть фон, на котором проявляется уникальность анализируемого текста. «Оды русскому огороду» нет в Национальном корпусе русского языка, но сопоставление с документами, включенные в корпус, дает возможность увидеть нестандартность анализируемого произведения.

Одним из ключевых слов «Оды русскому огороду» является существительное *огород*, об этом говорит его включенность в название повести. Другим формальным показателем является частотность этого слова.

В «Оде русскому огороду», состоящей из 15579 слов, существительное *огород* в формах единственного и множественного числа встречается 96 раз. Иначе говоря, частотность существительного *огород* в рассматриваемой повести составляет 1 употребление на 162 слова текста, что значительно превышает среднюю употребительность данного слова в художественных текстах в изучаемую эпоху. Для сравнения приведу данные о его употребительности в других текстах В.П. Астафьева, а также в некоторых произведениях сибирских писателей-«деревенщиков» В.М. Шукшина и В.Г. Распутина (все приведенные тексты содержатся в Национальном корпусе русского языка):

Астафьев В.П. «Веселый солдат»: 1 – на 3004

---

² Основные положения этой части статьи прозвучали в докладе, прочитанном 8 мая 2007 г. в Гранаде (Испания) на международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы».

«Пастух и пастушка»: 1 – на 3309

«Царь-рыба»: 1 – на 22530

Шукшин В.М. «Хозяин бани и огорода»: 1 – на 237

«В профиль и анфас»: 1 – на 327

«В воскресенье мать-старушка...»: 1 – на 369

«Горе»: 1 – на 470

«Выбираю деревню на жительство»: 1 – на 830

Распутин В.Г. «Прощание с Матёрой»: 1 – на 4438

«Живи и помни»: 1 – на 16834

«Деньги для Марии»: 1 – на 30489.

Сопоставление показывает, что даже в рассказах В.М. Шукшина существительное *огород* менее употребительно, чем в «Оде русскому огороду». В то же время можно сделать вывод о том, что включенность слова в заголовок предполагает и его высокую употребительность: в рассказе «Хозяин бани и огорода» частотность самая высокая.

Далее рассмотрим, каким образом грамматическая форма ключевого слова (в данном случае падежная, точнее – предложно-падежная форма) может стать средством создания художественной модели мира.

Как известно, в разных формах слова «могут реализовываться или актуализироваться разные стороны его общего значения, разные семы, предопределяющие различия и в синтаксическом употреблении. Так, например, в локативных формах *в лесу, за лесом, над лесом, из леса, из-за леса, возле леса* актуализируется значение места, пространства (занятого множеством деревьев), в творительном пути движения *лесом* – значение протяженности пространства, в объектных приглагольных формах *рубить лес, губить лес, сажать лес, любоваться лесом* актуализируется предметное значение (множества деревьев), в сочетаниях типа *лес рук, лес флагов* – количественное значение (множества деревьев)» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 38].

Думается, что выбор тех или иных грамматических форм в тексте может стать одним из конструктивных средств создания художественной (поэтической) картины мира, так как её своеобразие заключается «в избирательности видения мира художником» [Маслова, 2004, с. 35].

Таким образом, понятие синтаксемы становится удобным инструментом исследования средств, с помощью которых создается художественная модель мира.

В «Оде русскому огороду» существительное *огород* встречается во всех падежных формах. Вот количественные данные их употребительности: форма именительного падежа – 16, родительного – 16, дательного – 11, винительного – 24, творительного – 10,

предложного – 19. Сравнение контекстов употребления этих форм в повести с данными корпуса показало, что в рассматриваемом произведении наибольшим своеобразием обладают синтаксемы с адресатным и пространственным значением. Именно они играют главную роль в создании художественной модели мира на грамматическом уровне.

Синтаксема-адресат *огороду* присутствует в повести дважды. С ее помощью уже в самом заглавии «*Ода русскому огороду*» В.П. Астафьев репрезентирует огород как адресат-объект оценочного речевого действия – оды, выражая тем самым высокую «похвалу» русскому огороду.

Судя по данным корпуса, существительное *ода* в современном русском языке обозначает не только определенный литературный жанр – торжественное стихотворение, посвященное какому-либо историческому событию или герою, но и оценочный речевой жанр – похвалу. О чем свидетельствуют следующие примеры: *Своеобразным запевом всей выставки я лично считаю полотно братьев Ткачевых "Городня на Волге" — оно как ода русской природе* [Чан Ши Фан: "Выставки станут у нас постоянными" // "Известия", 2002.05.13]; *Туалетная вода с романтическим названием "Ода любви", перламутровый гель для душа и ароматическая свеча — это и прекрасный подарок, и приятная покупка* [Красота // "100% здоровья", 2003]; *Фильм Кокса — это ода жизни, музыке, танцу и кинематографу как искусству, способному передать тончайшие переживания* [Между Ницше и Христом // "Культура", 2002.03.25]. Во всех приведенных контекстах в какой-то мере происходит олицетворение: существительные в дательном падеже, зависящие от слова *ода*, наряду с объектным значением приобретают адресатное значение.

В следующем фрагменте «Оды русскому огороду» форма слова *огороду* обозначает адресат другого речевого действия – молитвы: *Поставив в церкви свечку, помолвившись святым отцам, охранителям коней, в первый день мая по старому стилю выводил лошадей дед в огород, к плугу, а бабка тем временем поясno кланялась с крыльца ему — пахарю, молилась земле, огороду, лесу*. Здесь представлены сочетающиеся с христианством пантеистические воззрения автора. Огород, наряду с землей и лесом, предстает в роли адресата, обладающего несоизмеримо высоким по отношению к говорящему статусом.

Во всем Национальном корпусе русского языка нет ни одного примера, где бы форма слова *огороду* обозначала адресат речи. По данным корпуса, *огороду*, как участку земли, можно отводить (или отдавать) место: *Важное место отводится аптекарскому огороду с растениями-целителями, позволяющими обойтись без синтетических лекарств* [Александр Рабинович. Бальзам для тела и души // "Ландшафтный дизайн", 2002]. А также посвящать время: *Саду-огороду посвящаю по необходимости от 1 до 5 часов в неделю*

[Елена Ягунова. Раз, два, три // "Здоровье", 1999]. В последнем примере существительное *огород* приобретает пропозитивное прочтение – обозначает работу, которую делают в огороде.

Таким образом, огород в повести Астафьева совмещает функции локуса и персонажа – это локус-персонаж. (Такое совмещение функций для художественной литературы не редкость: вспомним, например, стихотворение Пушкина «К морю».) Конечно же, это ролевое значение огорода выражается в повести не только грамматическими, но и лексическими средствами. Астафьев пишет: *Если уж по уму да по совести и чести – спаситель наш – огород! Тут и голову ломать незачем; Если бы огород был памятен только тем, что **вскормил и вспоил** мальчика, дал ему силу и радость жизни, первые навыки в труде, он бы и тогда помнил его свято...; ...представлялось то время, когда пустой, ровно бы военное нашествие **переживавший**, истыканный, искорябанный, лунками **израненный**, **будет стариковски уныло прозябать огород***. Синтаксемы именительного падежа с легкостью сочетаются с предикатами, обозначающими действия и состояния людей.

Далее перейду к анализу синтаксем с пространственным значением от слова *огород*. Эти синтаксемы преобладают в повести, поскольку они соответствуют лексическому значению рассматриваемого существительного: *огород* – это «участок земли, гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья» [Ожегов, Шведова, 1993, с. 456].

Синтаксема-локатив (компонент со значением местонахождения) в рассматриваемом тексте встречается 29 раз: *в огороде / в огородах* – 18, *над огородом* – 5, *за огородом* – 2, *по-за огородом* – 2, *по-над огородом* – 1, *среди огорода* – 1.

Количественное соотношение данных синтаксем говорит о том, что все события в повести происходят, главным образом, в пространстве огорода. В рассматриваемом произведении *огород* – это идеальная модель мира: *Мальчику все еще казалось, что за изгородью, скрепленной кольями, нет никакого населения, никакой земли – **все существующее вместилось в темный квадрат огорода***. Сравните данное высказывание с русской пословицей *Мир что огород – в нем все растет*. Здесь обращает на себя внимание то, что не огород сравнивается с миром, а мир с огородом.

Представления о пространстве прежде всего формируются благодаря знаниям о происходящих в этом пространстве событиях. В литературе многих народов отражено особое отношение к саду, которое связано с его событийным обогащением, т.е. с появлением «в саду мест, связанных с какими-то происшедшими в нем событиями» [Лихачев, 1991, с. 10]. По аналогии можно говорить и о событийном обогащении огорода.

Выраженное в повести Астафьева отношение к огороду во многом напоминает выраженное в русской поэзии и прозе отношение к саду.

Что же происходит в огороде?

Прежде всего, там работают люди: *...все на земле идет кругом, все в этом круге установлено разумной чередой: следом за весенними огнями и приборкой земляной труд начинается: пахать люди будут, боронить, сеять, в огородах овощи садить.*

В огороде растут овощи: *С того лета по сию пору буйствуют в огородах далекого села тыквы...; Была и еще одна роскошь – непроходимым островом темнел **среди огорода** опятнанный беленькими цветами горох, который без рук, без ног полз на бадог...; **В огороде** же том самоглавнейший спаситель – скромное, многотерпеливое существо, участью-долей схожее с русской женщиной, – картошка!*

Но самое главное в повести Астафьева – это то, что огород становится местом, где живет крестьянский ребенок: *Крестьянское дитя как-то само собой и в огороде оказывалось – не на кого оставить в избе, на дворе грязно, скот, собаки, вот бабка или тетки и прихватят мальчика с собой.*

Огород связан и с первой любовью мальчика – главного героя повести.

Отличительной особенностью картины мира, представленной в рассматриваемом произведении, является то, что в огороде, с точки зрения мальчика, происходят чудеса: ***В сельском огороде случилось еще чудо: из семечка-сердечка, привезенного бабкой, вылупилось растение с громадными оранжево-орущими цветами...; В том огороде мальчик видел радугу.** Одним концом она начиналась в зеленых грядках, а другой ее конец зацемило в скалистом распадке. Радуга вся была из цветной пыльцы: маково-алой, подсолнушно-желтой, морковно-зеленой, и еще там был цвет совершенно неуловимый и недоступный глазу, такой цвет мальчик видел, когда нырял в воду с открытыми глазами, цвет немого царства, цвет голубовато-нежный, прозрачный. **Вот в таком замороженном царстве обитали бесплотные тихие русалки и ангелочки с крылышками, какие нарисованы на бабушкиных иконах.***

При сравнении локативных форм от существительного *огород* в «Оде русскому огороду» и в Национальном корпусе русского языка бросается в глаза частотность синтаксемы над огородом. Во всем корпусе (включаящем на 09. 07. 2007 г. более 3626 контекстов со словом *огород*!) форма *над огородом* встречается всего четыре раза и *над огородами* – шесть, тогда как в рассматриваемой повести синтаксема *над огородом* используется пять раз. Иначе говоря, количественное соотношение таково: 96 : 5 в повести и 3626 : 10 в корпусе, или 5,2% и 0,275%. Таким образом, судя по данным

корпуса, в типичном представлении русского человека об огороде вертикальное измерение этого пространства не существенно.

Как правило, людей не интересует то, что происходит в небе над огородом, а взгляд ребенка – это взгляд вверх. Он замечает бабочку, чистые пары и запахи, *кружащие над огородом*. Земное пространство сливается с небесным, тем самым происходит его одухотворение.

Наконец, нельзя не обратить внимания на формы *по-за огородом* и *по-над огородом*: *По весне природа на родине мальчика чуть веселей, да вся она по-за огородом, вся по хребтам, поймам речек, лугам, еланям; Носит пух по-над огородом и пустой землю, бросает в чащу, гоняет по реке*. Предлог *по-за* имеет значение «вдоль и сзади чего-нибудь, *по-над* – вдоль и над чем-нибудь [Ожегов, Шведова, 1993, с. 563, 577]. Выбирая диалектные формы, В.П. Астафьев подчеркивает местный колорит огорода.

Синтаксема-директив (компонент, выражающий направление движения, ориентированного действия или положения предмета) в повести встречается 15 раз: *в огород* – 9, *к огороду* – 2, *на огороды* – 1, *за огород* – 1, *из огорода* – 2.

Эта выборка показывает, что в большинстве случаев огород – это конечная точка, директив-финиш, цель движения. Все дороги ведут в огород, так как это – центр мира, в котором живет мальчик.

К огороду спускаются с гор лесные птички, на огороды слетаются из лесу щеглы, овсянки, чижи, синицы, в огород отправляется дед, он же выводит лошадей в огород, туда же продираются молодые налетчики, плетутся работники, проникают цыпушки. *Весенними потоками в огород натаскивало всякой всячины: камешник, семена трав, диковинные выворотни, старые маральи рога, скелеты погибнувших птиц, луковки цветов... Как-то уронило жерди и забросило в огород куст смородины*.

Как известно, «одно и то же значение может быть выражено целым рядом синонимических предложных единиц» [Виноградова, Чекалина, 2006, с. 19]. Сравнение синтаксем с локативным и директивным значением от слова *огород* в Национальном корпусе русского языка и в «Оде русскому огороду» показывает, что в корпусе содержатся формы *на огород*, *на огороде* и *в огород*, *в огороде*. Тогда как у Астафьева синтаксемы *на огороде* нет вообще, а форма *на огороды* встретила лишь однажды, при этом обозначает она директив не только горизонтального, но и вертикального движения сверху вниз: *Щеглы, овсянки, чижи, синицы из лесу на огороды слетелись, шелушат репейники и коноплю*.

Рассматривая парадигматические отношения предлогов, исследователи отмечают, что пространственный предлог *в (что)* обладает лексическими синонимами, существуют

«варианты: *в Россию – на Украину, в школу – на почту; смотреть в небо, в стену* (в одну точку) – *на небо, на стену* (в целом)» [там же, с. 22]. Особое внимание обращается на то, что «важно вывести условия выбора в тексте тех или иных синонимических предлогов или условия дополнительной дистрибуции» [там же].

Для того чтобы объяснить, почему в «Оде русскому огороду» выбраны формы с предлогом *в*, обратимся к данным корпуса.

Оказывается, что в других произведениях Астафьева встречаются оба варианта локатива и директива: *в огороде – на огороде, в огород – на огород*. В качестве примера приведу только формы с предлогом *на*: *Но жили, росли, учились, работали на огороде, на покосе дружно...* [Астафьев Виктор. Веселый солдат // "Новый Мир", 1998]; *Но велико было унижение и без того униженных людей, жена не удержалась, рассказала мне о происшествии на огороде* [там же]; *На огороде, меж еще не срубленных вилок капусты, ходила корова, жевала что-то* [Виктор Астафьев. Печальный детектив (1982–1985)]; *У меня на огороде в родном сибирском селе вырос мак-самосевка — нанесло ветром* [Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)]; *Со средней палубы теплохода, опершись на леер, без интереса смотрел вдаль, на поселок Чуш, на огороды его, на поленницы, на бани, парень, совсем еще молодой, но уже перекормленный* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)] и т. д.

Следовательно, выбор пространственного предлога *в* не является постоянной особенностью идиостиля Астафьева, а характеризует только конкретную повесть. «Ода русскому огороду» отличается от приведенных выше произведений тем, что в ней представлены мир и огород глазами ребенка (умудренный жизнью взрослый повествователь, который появляется в нескольких фрагментах повести, тоже старается принять точку зрения мальчика).

Замечено, что предлог *на* может вносить событийное значение в семантику сочетающегося с ним существительного. Это обнаруживается при замене предлога *на* «конкурирующим» предлогом *в*: ср. *пойти на подвал* 'ремонтировать / строить подвал' и *пойти в подвал* 'внутри подвала'. Сочетание с предлогом *в* подразумевает локативную интерпретацию, лишается пропозитивной семантики [Ковязина, 2006, с. 124].

Сочетание глаголов горизонтального движения с формой *на огород* предопределяет наличие в предложении эксплицитной или имплицитной пропозиции 'выполнять какую-либо работу, связанную с огородом'. В большинстве случаев примеры из Национального корпуса русского языка подтверждают это: *В Сузунском районе Новосибирской области пенсионер Шадрин вышел на огород накопать картошки* [Граната на грядке // "Труд",

1987.11.08]; *Недавно ездили на огород полоться...* [Письмо девушки из Перми сестре в Москву].

И хотя в корпусе содержатся единичные примеры высказываний, в которых форма *на огород* не связана со смыслом 'выполнять сельскохозяйственные работы': *«Погрузившись в печаль, вышел на огород свой и ходил в большой грусти* [Нарежный В.Т. Российский Жилблз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова], – чаще всего синтаксема *на огород* этот смысл предполагает.

Таким образом, отсутствие в повести «Ода русскому огороду» форм *на огороде* и *на огороде* (как направления лишь горизонтального движения) объясняется тем, что Астафьев показывает мир глазами ребенка, для которого огород – это жизненное пространство, где можно наблюдать, играть, веселиться, а не только работать, как это делают взрослые.

Синтаксема-транзитив (компонент со значением пути движения) встречается в «Оде русскому огороду» 7 раз. Это форма *по огороду*: *Наперебой лезли парнишки на спину коня, таскающего борону по огороду...*; *Сорная трава мушиной гущиной по всему огороду расплзлась*; *С хохотом и звоном ударится малый бежать по огороду* и др.

Сравнивая повесть В.П. Астафьева с Национальным корпусом русского языка, отмечу, что в корпусе наиболее распространенная форма транзитива от лексемы *огород* – это форма *огородом*, означающая, что огород – это лишь один из участков, по которому проходит движение, конечной целью которого является другое место.

Форма *по огороду* обозначает путь движения, не выходящего за пределы названного пространства. В рассматриваемом произведении огород – это самодостаточный мир, центр, следовательно, репрезентирующая сквозное движение форма *огородом* не встречается в повести.

Таким образом, сопоставление синтаксического поведения слова *огород* в «Оде русскому огороду» и в контекстах, включенных в «Национальный корпус русского языка», показывает, что В.П. Астафьев моделирует локус ребенка не только лексическими средствами, но и с помощью падежных форм. В рассматриваемом произведении огород являет собой центр мира, в котором живет мальчик, все движение в этом мире направлено в сторону огорода. Это русское пространство, специфическое видение которого выражено синтаксемами *по-за огородом* и *по-над огородом*. Наконец, это одухотворенное пространство, у которого есть вертикальное измерение. Моделирующая падежная система репрезентирует детский огородоцентричный мир, представляет огород как мирообразующий локус.

В этой статье я показала, как можно использовать данные корпуса на занятиях по синтаксису и лингвистическому анализу художественного текста, проводя наблюдения

над синтаксическим поведением существительного. Думаю, что не менее интересные и продуктивные занятия можно строить, наблюдая за поведением в предложении других частей речи на примере контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка.

Литература

Астафьев В.П. Ода русскому огороду // На далекой северной вершине. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1984. С. 144 – 192.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 59.

Баевский В.С. Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX в. Обзор работ Г. Хетсо за 1973 – 1985 гг. Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5. С. 452 – 457.

Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2: Синонимия и антонимия предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2. С. 18 – 37.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. С. 4.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М: Редакционно-издательский отдел филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. С. 38.

Ковязина Н.В. Предлог *на* и семантика «непропозитивных» существительных // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1 (8). Красноярск: Издательский центр Красноярского госуниверситета, 2006. С. 122 – 125.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991. С. 10.

Лукин В.А. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения. Дис. докт. филол. наук. Орел, 2003. С. 197.

Маслова В.Н. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 35.

Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «АЗЪ», 1993. С. 456.